

75 лет со дня рождения Грачья Нерсисяна

Великий художник

Грачья Нерсисяна я знала давно, но выступить с ним на сцене мне впервые довелось в годы Великой Отечественной войны, в спектакле «Русские люди». Меня волновала встреча с таким партнером — пойдем ли друг друга, состоится ли творческий союз?

Я исполнила в спектакле роль разведчицы, а Грачья Нерсисян — командира. И вот по ходу действия я вошла к нему, стала навязывать, как требует военный устав, чтобы доложить данные разведки. Наши взгляды встретились, и тут произошла непредусмотренная ходом спектакля пауза. Труд-

но выразить словами состояние, испытанное мною. Я, казалось, потеряла чувство реальности. Я видела только глаза Нерсисяна — глубокие, умные, добрые. Из этого почти гипнотического состояния меня вывела улыбка Нерсисяна — она возникла где-то в глубине его глаз, светлой тенью скользнула по лицу... Сцена продолжилась. Казалось, ничего не произошло — два человека встретились взглядом. Но в этот день я поняла, что приобрела в искусстве большого, сильного и доброго друга.

После этого много раз нам привиделось встречаться в спектаклях. Какую радость мне это доставляло, и с какой грустью я вспоминаю об этом сейчас! Я приходила в театр ровно в шесть, усаживалась на несколько минут на скамейке у входа. Скоро показывался в конце аллеи Грачья — всег-

да спокойный, скромно одетый, с неизменной сигаретой между пальцами.

Два-три добрых его слова в меня вселяли спокойствие и уверенность.

На сцене весь облик его поразительным образом преобразился, казалось, перед вами совсем другой человек. Сильный, глубокий, неповторимый голос его обладал огромным диапазоном оттенков. В движениях угадывались духовная мощь, неукротимый темперамент.

Но мощь его таланта никогда не угнетала партнера. Грачья Нерсисян не воспринимал спектакль как обременение своего таланта. Он уважал личность каждого, обращался со всеми артистами, даже с начинающими, как с равными.

Потому и пользовался он любовью всего коллектива и, особенно, молодежи. До спектаклей его примерная всегда была полна молодежи — советовались, шутили, смеялись.

Многие говорят, что Нерсисян не любил работать над

ролью. Это не так. Он понимал, что ему отпущен великий дар, и он не имеет права губить его. Чувство ответственности за работу было необычайно сильно развито в нем, и одним из важных свойств его таланта было трудолюбие. В зените славы, окруженный любовью тысяч почитателей, великий мастер волновался перед спектаклем так же, как и все артисты.

Всегда с болью вспоминаю последний спектакль с участием Грачья Нерсисяна — «Мое сердце в горах». С самого начала я заметила было ладное — не чувствовалось в артисте прежней силы, уверенности. В одной сцене Мак-Грегор — Нерсисян должен был упасть на пол, а я — укрыть его. Нерсисян не упал, он как-то рухнул на сцену. У меня сжалось сердце, и когда я наклонилась к нему, чтобы укрыть, незаметно для зрителей спросила: «Что с тобой, Грачья?»... Тихо ответил, что ему плохо.

Он был полон замыслов, рассказывал о планах, делился мечтами о ролях, которые так и остались несыгранными...

Грачья Нерсисян был великим художником, великим артистом. Такие величины рождаются редко и не умирают никогда в памяти народной.

А. АСРЯН,
народная артистка Армянской ССР.

ЛЮБОВЬ

ЭТО было незадолго до его кончины, и все уже знали, что он обречен. Мне до боли захотелось увидеть его, увидеть вот сейчас, сию минуту. Была полночь. Ни на что не надеясь, я пошел к нему в больницу. Красноречиво и долго уговаривал полусонного дежурного врача впустить меня. Наконец, она поддалась уговорам и под клятвенное обещание не шуметь, пропустила наверх — «только взглянуть». Тихо приоткрыл я дверь палаты — он был один. Не спал, сидел на кровати в своей излюбленной позе, по-турецки поджав под себя скрещенные ноги, нахлобучив на голову красную феску с помпоном. Ни дать, ни взять — Абсолютом-ага на досуге... Он почему-то не удивился моему полуночному визиту, и стал в который раз рассказывать мне... об Индии. Но об этом потом.

Вдруг в ночной тишине из открытого окна полились заливающие звуки кларнета, к нему присоединился аккордеон, потом дошел. Незримые музыканты играли мелодию из фильма «Песня первой любви», играли упрощенно, но по-особому, по-народному хорошо, — кто из нас, армян, не знает эти выкрутасы кларнета с вибрацией, эти

придыхания аккордеона, берущие за душу...

Странное вторжение музыки в ночную тишину не удивило его, он продолжал, распавшись, рассказывать об Индии. Музыканты за окном заиграли теперь народную песню «Приди домой», они вообще играли в ту ночь песни о любви.

За дверью палаты послышались шаги, ожила больница, кто-то открывал окно. Послышался голос дежурного врача, она кричала музыкантам, чтоб те ушли, грозила позвонить в милицию. Другие голоса, очевидно, больных, молили ее этого не делать, не мешать музыке, «она ведь для варпета». Сам варпет в феске восседал на кровати и очень смешно, торжествующим ребенком, глядел на меня — дескать, видал?

Музыка закончилась часа в два ночи, и я, попрощавшись, тихо прощмыкнул мимо швейцара. Музыкантов я застал уже садящимися в старенький «Виллис», они оказались рабочими парнями с какого-то хлебозавода.

ШЛИ съемки актерских кинопроб для моего первого большого художественного фильма «Сердце поет». В кадре снимались Грачья

Нерсисян, Ваграм Папазян и Артур Айдинян. Первый киноматографический блин явно давался мне непроглатываемым комом, я был панически растерян, все грозило полететь к черту — и первый фильм, и все, что следует за этим. Беспомощно взглянув на двух «китов» театра и популярного капризного певца, я вдруг увидел мягкую улыбку, разгладившую морщины на лице Грачья Нерсисяна. Варпет ободрило подмигивал мне. Я глупо уставился на него, а он продолжал «говорить» со мной глазами. Хотите верить, хотите нет, но это решило все — я обрел уверенность и силу. Еще сколько раз, когда бывало трудно, мне как добрые друзья помогали эти серые красивые глаза, ставшие мне родными.

ТАК уж повелось, что вспоминая о Грачье Нерсисяне, говорю все больше о случаях из его жизни, хотя и ярких, но, как мне кажется, не до конца характеризующих его человеческую сущность. А ведь характер варпета был куда глубже, куда человечнее и, если хотите, поэтичнее. И тут я хочу рассказать об Индии.

ПЕРВОМАЙСКИЙ праздник 1956 года мы справляли всей съемочной группой на берегу одного из лиманов близ Одессы. Поселившись в лагерь, мы решили с Грачье Нерсесовичем вдвоем покататься на весельной рыбацкой лодке.

Когда мы загребли уже далеко от берега, я предложил возвратиться, но он стал упрямиться, меня плыть дальше, «чтоб берега не видно было». Мы так и сделали. Кругом было только море и необъятный горизонт вдаль. Я и не понял, как начался рассказ Грачья, кажется, он вначале просто что-то бормотал... Глядя в морскую даль, он говорил и говорил, будто белым стихом, о Дели, о шумной Калькутте и прятных запахах ее, о прекрасных шоколадных девах Бомбея. Я оторопел и бросил грести. Что это, бред или отрывок из ненаписанной поэмы? Я знал, что он никогда не был в Индии! Много позже я понял, что это — вдохновенье, интимное вдохновенье человека, придумавшего себе свою далекую, заманчивую Индию, точно так, как мечтатель Грин — свои прекрасные Алые паруса... Он умел любить, любить красиво, мечтательно, и страну свою Индию, и девичьи глаза, и чудесную свою песню «Санта-Лючия»...

Грачья Нерсисян был великим артистом, я мог бы многое вспомнить о нашей совместной работе над пятью фильмами. Но сегодня мне хотелось рассказать о том, каким великим он был человеком, озаренным прекраснейшим из человеческих чувств, имя которому — любовь.

Г. МЕЛИК-АВАКЯН,
кинорежиссер, заслуженный деятель искусств.